

УНИВЕРСАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СКАНДИНАВСКИХ ГОСУДАРСТВ

© 2023 г. А. И. Черкасов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: aligorch@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.08.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается роль принципа универсализма как «краеугольного камня» социальной политики скандинавских государств. Подчеркивается, что скандинавский универсализм традиционно базируется на более высоком уровне социального равенства, чем тот уровень, который присутствует в рамках иных систем социальной защиты, нацеленных на выборочный подход и социальную стратификацию. Скандинавская модель социального обеспечения в последнее время сталкивается с целым рядом проблем, связанных с глобализацией, обострением конкуренции на рынке труда, демографическими изменениями, расширяющимся притоком мигрантов. В сложившейся ситуации данная модель становится все более экономной и рыночно-ориентированной, а действующие социальные программы корректируются путем сокращения их избыточной щедрости. Растет понимание необходимости расширения принципа универсализма и внедрения в социальную политику гораздо большей дифференциации с учетом реальных потребностей отдельных слоев населения.

Ключевые слова: Скандинавия, универсализм, эгалитаризм, социальные услуги, публичный сектор, право на труд, демографические изменения, иммиграция.

Цитирование: Черкасов А. И. Универсализм в социальной политике скандинавских государств // Государство и право. 2023. № 11. С. 178–184.

DOI: 10.31857/S102694520028728-1

UNIVERSALISM IN SOCIAL POLICY OF THE SCANDINAVIAN STATES

© 2023 A. I. Cherkasov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: aligorch@yandex.ru

Received 31.08.2022

Abstract. The article deals with the role of the principle of universalism as the “cornerstone” of the social policy of the Scandinavian states. It is emphasized that Scandinavian universalism is traditionally based on a higher level of social equality than the level that is present within other social welfare systems aimed at a selective approach and social stratification. The Scandinavian social welfare model has recently been facing a number of problems related to globalization, increased competition on the labor market, demographic changes and an expanding influx of migrants. In the current situation, this model is becoming more economical and market-oriented, and existing social programs are being adjusted by reducing their excessive generosity. There is a growing understanding of the need to expand the principle of universalism and introduce much greater differentiation into social policy, taking into account the real needs of individual segments of the population.

Key words: Scandinavia, universalism, egalitarianism, social services, public sector, right to work, demographic changes, immigration.

For citation: Cherkasov, A.I. (2023). Universalism in social policy of the Scandinavian states // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 178–184.

Модель социального обеспечения населения, которая сложилась в скандинавских государствах (именуемых в научной литературе также «северными странами»¹), носит уникальный характер благодаря предоставляемым ею всеохватывающим социальным правам и широкому внедрению принципа универсализма. Последний предполагает реализацию «инклюзивных схем социального обеспечения, направленных на все население», а «не просто на борьбу с бедностью и гарантирование определенного уровня доходов»². Скандинавский универсализм традиционно базировался на более высоком уровне социального равенства, чем тот уровень, который присутствует в рамках иных систем социальной защиты, «нацеленных на выборочный подход и социальную стратификацию» и «предполагающих разработку отдельных программ для разных групп населения»³. Представляя собой «краеугольный камень»⁴ всей проводимой северными государствами социальной политики, универсализм основывается на предположении о том, что даже при отсутствии доходов от трудовой деятельности все жители страны имеют право на экономическую безопасность.

Скандинавская модель социального обеспечения предусматривает определенный способ организации общественной жизни, «основывающийся на широком наборе ценностей и воспроизводящих их норм»⁵. Получение социальных услуг в северных государствах понимается прежде всего как «право гражданина»⁶, которое, как правило, может быть юридически защищено. Оно обычно не обусловлено занятостью и чаще всего гарантируется всем местным жителям без имущественных ограничений и в значительной степени «независимо от действия рыночных механизмов»⁷. Скандинавская модель социального обеспечения, таким образом,

«не направлена на отдельные проблемные группы» и призвана «охватить все население»⁸.

Универсализму скандинавской модели, базирующейся на эгалитарных ценностях, способствует активная перераспределительная политика. В основе последней лежит принцип социальной солидарности, предполагающий участие в финансировании системы социальной защиты в той или иной степени всех граждан, вносящих свой вклад соразмерно имеющимся возможностям. Универсализм содействует укреплению подобной солидарности, поскольку предполагается, что «политика социального обеспечения, которая в принципе охватывает всех жителей соответствующей страны, способна гораздо лучше развивать всеобщую солидарность, чем политика, которая выборочно ориентируется на отдельные категории населения»⁹.

Место проживания в рамках универсалистской скандинавской модели в конечном итоге является основным критерием для предоставления социальной помощи. На нее может рассчитывать практически «любой человек, проживающий в соответствующей стране на законных основаниях»¹⁰. Даже лица, «ранее никак не связанные с рынком труда и не делавшие никаких предварительных социальных взносов»¹¹, в северных странах получают минимальные социальные пособия. Универсализм, таким образом, благоприятствует неработающим замужним женщинам, поскольку позволяет последним быть относительно независимыми от мужа и других работающих родственников. Это немаловажно с точки зрения функционирования скандинавского социального государства, поскольку «именно женский труд полностью доминирует как в механизме оказания социальных услуг, так и в начальном образовании»¹².

Подобная ситуация, впрочем, касается не только женщин. Скандинавская модель рассматривается как некий «институциональный порядок, в значительной степени ослабляющий зависимость любых индивидуумов от своих семей»¹³. Главным критерием оценки личности и ее состоятельности

¹ См., напр.: *Bakke I. B.* The “Idea of Career” and “a Welfare State of Mind”: On the Nordic Model for Welfare and Career // *Career and Career Guidance in the Nordic Countries* / ed. by E. H. Haug, T. Hooley, J. Kettunen, R. Thomsen. Leiden, 2020. P. 23–36.

² *Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives* / ed. by S. Bendixsen, M. B. Bringslid, H. Vike. Cham, 2018. P. 225.

³ *Blomquist P., Palme J.* Universalism in Welfare Policy: The Swedish Case beyond 1990 // *Social Inclusion*. 2020. Vol. 8. Iss. 1. P. 114.

⁴ *Greve B.* What Characterise the Nordic Welfare State Model // *Journal of Social Sciences*. 2007. Vol. 3. No. 2. P. 44.

⁵ *Breidahl K. N., Hedegaard T. F., Kongshøj K., Larsen Ch. A.* Migrants’ Attitudes and the Welfare State: The Danish Melting Pot. Cheltenham, 2021. P. 6.

⁶ *Sipilä J., Anttonen A., Kröger T.* A Nordic Welfare State in Post-industrial Society // *The Welfare State in Post-industrial Society: A Global Perspective* / ed. by J. L. Powell, J. Hendricks. Dordrecht, 2009. P. 182.

⁷ *Frelle-Petersen C., Hein A., Christiansen M.* The Nordic Social Welfare Model: Lessons for Reform. Copenhagen, 2020. P. 11.

⁸ *Melin H.* The Nordic Model and Social Inequalities // *Welfare State at Risk: Rising Inequality in Europe* / ed. by D. Eißel, E. Rökkick, J. Leaman. Heidelberg, 2014. P. 107.

⁹ *Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H. V., Petersen K.* Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945–2010. Basingstoke, 2012. P. 25.

¹⁰ *Kiesel V.* The Promise of Universalism – Gender, Migration, and the Limits of the Nordic Welfare State // *IZGOnZeit*. 2020. No. 9. P. 37.

¹¹ *The Nordic Models in Political Science: Challenged, but Still Viable?* / ed. by O. Knutsen. Bergen, 2017. P. 6.

¹² *Vike H.* Politics and Bureaucracy in the Norwegian Welfare State: An Anthropological Approach. Cham, 2018. P. 139.

¹³ *Ibid.* P. 138.

(как материальной, так и чисто человеческой) является трудовая деятельность и тот доход, который индивид получает по месту своей основной работы, «а не социально-экономический статус его семьи и доход, получаемый по семейной линии, например, в виде наследства»¹⁴.

В основе скандинавской модели лежит концепция некоего «коллективного индивидуализма», предполагающая, что наиболее действенная реализация потенциала каждой конкретной личности возможна лишь в рамках определенной коллективистской системы. Каждый индивид вносит возможный для себя вклад в эту систему, действуя с определенной степенью альтруизма и отдавая себе отчет в том, что первым выгоду из нее может извлечь не он, а кто-то иной, более нуждающийся. При этом присутствует осознание того, что данная система поддерживается тобой не зря. В случае необходимости она обязательно придет тебе на помощь и чужие вложения сработают уже на тебя.

Северная модель социального обеспечения является, по типологии датского социолога Г. Эспинг-Андерсена, социал-демократической¹⁵. В ее основе лежит некий «классовый компромисс, который обеспечивается союзом, заключенным между государством, работодателями и профсоюзами»¹⁶. Указанная модель базируется на широком участии граждан в экономической и социальной жизни и высокой степени доверия, проявляемой ими как в отношениях между собой, так и применительно к государству и проводимой органами власти политике¹⁷. Граждане готовы платить высокие налоги в обмен на гарантию обеспечения своих социальных прав и стабильную защиту от социальных рисков.

Между обществом и государством в северных государствах традиционно существует весьма прозрачная грань, «практически невидимая граница»¹⁸, и поддерживаются достаточно тесные отношения. Здесь «население практически никогда не выступало в качестве солидарной оппозиции государству», а последнее традиционно рассматривалось как «исполнитель некой коллективной демократической воли»¹⁹. Как подчеркивают

норвежские исследователи Г. Брочманн и А. Хагелунд, «Скандинавия является регионом с наибольшим в мире доверием к политическим институтам и той роли, которую играет государство»²⁰.

Государство в северных странах «гарантирует всеобщее равенство перед законом, а также равный политический статус всех граждан»²¹ и несет значительную ответственность за благосостояние проживающих на его территории людей, присутствуя во многих аспектах их жизни с самого момента рождения. Инвестируя непосредственно в население, государство стремится «сохранять и развивать способность индивидуумов быть активной составной частью рабочей силы страны и продуктивными членами общества»²². Регулируя наиболее значимые сферы общественной жизнедеятельности, государство способствует перераспределению социальных благ в интересах более уязвимых слоев населения.

Вопросы функционирования государства всеобщего благосостояния и предоставления населению социальных услуг в скандинавских странах в значительной степени политизированы. Именно социальная политика и ее успешная реализация представляют собой «основной источник политической поддержки и легитимности»²³. Борьба за голоса избирателей в рамках электорального процесса обычно определяется стремлением политических партий и отдельных кандидатов убедить население в своей способности обеспечить «предоставление большего количества социальных услуг и их лучшее качество»²⁴, а также повысить эффективность публичного сектора. Идея универсалистской модели социального государства остается настолько популярной, что даже ее потенциальные противники, т.е. либерально и консервативно настроенные политические деятели, «на публике вынуждены выступать в качестве защитников действующей социальной модели, если только они не собираются совершить электоральное самоубийство»²⁵.

Универсализм предполагает значительный акцент на реализации права граждан на труд и борьбе с безработицей. Скандинавская модель направлена на «обеспечение достойного дохода и для тех, кто не способен трудиться или не может найти

¹⁴ Forsander A. Social Capital in the Context of Immigration and Diversity: Economic Participation in the Nordic Welfare State // JIMI/RIMI. 2004. Vol. 5. No. 2. P. 219.

¹⁵ См.: Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, 1990. P. 27, 28.

¹⁶ Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States / ed. by P. Kivisto, Ö. Wahlbeck. Houndmills, 2013. P. 11.

¹⁷ См.: The Relational Nordic Welfare State: Between Utopia and Ideology / ed. by S. Hänninen, K.-M. Lehtelä, P. Saikkonen. Cheltenham, 2019. P. 2.

¹⁸ Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives / ed. by S. Bendixsen, M.B. Bringslid, H. Vike. P. 138.

¹⁹ Ibid. P. 10.

²⁰ Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jonsson H.V., Petersen K. Op. cit. P. 1.

²¹ Kildal N., Kuhnle S. The Principle on Universalism: Tracing a Key Idea in the Scandinavian Welfare Model. Bergen, 2002. P. 5.

²² Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 184.

²³ Vike H. Op. cit. P. 86.

²⁴ Ibid.

²⁵ Viggeland N. Democratic Governance in Scandinavia: Developments and Challenges for the Regulatory State. Cham, 2020. P. 70.

работу»²⁶. При этом в рамках указанной модели «социальная политика должна быть организована таким образом, чтобы как можно большее число людей могли работать и занятие трудовой деятельностью себя бы оправдывало»²⁷. Без достижения высокого уровня занятости достаточно сложно обеспечить необходимые налоговые поступления в казну государства. А ведь из этих поступлений, собственно, и финансируются социальные услуги.

Активно действуя на рынке труда, государство стремится к «декоммодификации социальных прав»²⁸, т.е. к ослаблению зависимости этих прав, а также индивидуального и группового благосостояния в целом от действия рыночных сил. Как подчеркивается в скандинавской литературе, «главная задача социальной политики состоит в использовании политических средств для вмешательства в отношения между гражданами и рынком в целях формирования нового типа отношений между ними»²⁹.

Для эгалитарно-ориентированных северных стран характерен феномен т.н. сжатия дифференциации заработной платы, т.е. «относительно небольшая разница между наибольшими и наименьшими зарплатами, выплачиваемыми на рынке труда»³⁰. При этом оказывается всяческая поддержка усилиям работников по повышению квалификации и получению дополнительного профессионального образования.

Скандинавский универсализм отнюдь не предполагает всеобщую стандартизацию и унификацию оказываемых населению услуг. Северная модель носит интерактивный характер, будучи направленной на «адаптацию оказываемых услуг к нуждам и предпочтениям их потребителей»³¹. По мере расширения предоставляемой гражданам свободы выбора «социальные услуги все больше индивидуализируются»³², чему способствует внедрение в социальную сферу нового публичного менеджмента и подключение к оказанию услуг населению частных компаний. Число последних неуклонно расширяется в результате процессов приватизации и информализации, т.е. расширения взаимодействия индивидуумов и социальных институтов вне рамок непосредственного государственного регулирования.

²⁶ Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K. Op. cit. P.150.

²⁷ Ibid.

²⁸ Esping-Andersen G. Op. cit. P. 27.

²⁹ Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 185.

³⁰ Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives / ed. by S. Bendixsen, M.B. Bringslid, H. Vike. P. 9.

³¹ Promoting Active Citizenship: Markets and Choice in Scandinavian Welfare / ed. by K. H Sivesind, J. Saglie. Oslo, 2017. P. 294.

³² Voluntary and Public Sector Collaboration in Scandinavia: New Approaches to Co-Production / ed. by B. Ibsen. Cham, 2021. P. 59.

При этом видоизменяется роль самого государства, уже не столь концентрирующегося на «обеспечении одинакового качества услуг для всех» и все больше «перекладывающего ответственность за результаты социальной политики на самих потребителей, которые делают соответствующий выбор»³³.

Скандинавская модель социального обеспечения в последнее время сталкивается с целым рядом проблем, связанных с глобализацией, обострением конкуренции, ухудшением положения дел на рынке труда, демографическими изменениями, определяющими, в частности, феномен старения населения и сокращение экономически активной его части. Существенную роль играет и расширяющийся приток мигрантов, на содержание и дальнейшую интеграцию которых приходится тратить значительные средства, которые иначе могли бы быть использованы на другие цели, включая обеспечение благосостояния местного населения.

Приток мигрантов имеет и ощутимые социально-культурные последствия. Население северных государств становится более разнородным, в том числе с точки зрения религии, культуры, языка и быта. В этих условиях «расширяется ценностный плюрализм», а «социальное неравенство приобретает новое измерение»³⁴ — мультикультурное и этническое. Растет напряженность между государством всеобщего благосостояния и мигрантами (в первую очередь прибывшими с Востока), далеко не всегда способными адекватным образом воспринимать европейские ценности и интегрироваться в местную жизнь. При этом отнюдь не все мигранты прибывают легальным путем, что неизбежно отрезает их от значительной доли социальных благ.

Предоставление мигрантам социальных прав в северных странах имеет и свою обратную сторону — «наличие у них некоторых личных обязательств», предполагающих «достижение определенного уровня индивидуальной самодостаточности»³⁵. Подобная самодостаточность может быть надлежащим образом обеспечена лишь в условиях экономического роста, полной занятости и максимального приближения к характерному для скандинавских государств «идеалу гражданина в качестве трудящегося»³⁶. В данном контексте немаловажен и субъективный фактор — желание самих мигрантов и их способность к активному приложению личных

³³ Promoting Active Citizenship: Markets and Choice in Scandinavian Welfare / ed. by K. H Sivesind, J. Saglie. P. 5.

³⁴ Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K. Op. cit. P. 1, 2.

³⁵ Borevi K. Multiculturalism and Welfare State Integration: Swedish Model Path Dependency // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2014. Vol. 21. No. 6. P. 711.

³⁶ Ibid.

усилий, соблюдению предписываемой трудовой этики. Квалификация мигрантов, однако, зачастую невысока, что является одной из причин, затрудняющих их интеграцию на рынке труда.

В условиях высокой минимальной заработной платы и существенных затрат на содержание рабочей силы значительный акцент в северных государствах делается на производительности труда, что определяет наличие на рынке труда своеобразного «заградительного барьера»³⁷ для мигрантов. С учетом характерного для государств региона феномена сжатия дифференциации заработной платы применение дешевой и низкоквалифицированной рабочей силы становится невыгодным и «сравнительно дорогим»³⁸. Низкооплачиваемые работы либо переносятся в страны с дешевой рабочей силой, либо исчезают в результате развития процессов автоматизации. Одна из причин, затрудняющих интеграцию мигрантов, видится также в их менталитете. Многие мигранты настроены иначе, чем местное население, пребывая из стран, жители которых считают, что не обязательно постоянно прикладывать личные усилия для достижения успеха и можно вполне себе неплохо жить, «опираясь исключительно на поддержку со стороны своей семьи»³⁹.

В скандинавской литературе отмечается, что «иммиграция подтачивает веру людей в государство в качестве спланирующей и стабилизирующей силы»⁴⁰. В целях обеспечения большей устойчивости государства всеобщего благосостояния и предотвращения усиления социальной и своеобразной ментальной дифференциации, способной это государство делегитимизировать, предпринимаются меры, направленные на ужесточение правил приема мигрантов. Применительно к миграционной политике в свое время был сформулирован принцип «твердый снаружи» (ограничительный подход в сфере предоставления гражданства) и «мягкий внутри» (инклюзивная социальная политика). При этом подчеркивается, что ни одно полноценное государство всеобщего благосостояния, даже столь эгалитарное, как скандинавское, не желает, «чтобы через его заградительную сеть проникало большое число людей или групп, которые бы нарушали нормальный рабочий процесс, перегружали социальные бюджеты и тем самым подрывали солидарность среди населения»⁴¹.

Сама социальная политика постепенно становится менее инклюзивной и более требовательной, в том числе по отношению ко вновь прибывшим. Даже в традиционно дружелюбной по отношению к мигрантам Швеции речь ведется об «отходе от политики мультикультурализма и движении в сторону гражданской интеграции»⁴². В соответствии с общеевропейскими тенденциями последняя предполагает более полное вовлечение мигрантов в общественную жизнь принимающей страны, включая их действительную адаптацию к имеющимся социально-экономическим условиям. В такой ситуации выполнение интеграционных требований (знание местного языка, истории и культуры, наличие должного представления о том, как функционируют местные политические институты, демонстрация лояльности к нормам и ценностям, составляющим основу национальной идентичности) призвано стать важнейшим условием для получения допуска к различным правам и социальным благам.

Произошедшие в последние десятилетия изменения касаются не только этнического состава, но и всей социальной структуры населения северных государств. Укрепился т.н. средний класс, который накопил некоторые экономические ресурсы и стал более независимым, в том числе по отношению к государству. Средний класс все чаще справляется со своими проблемами самостоятельно, будучи уже «не столь заинтересованным в солидарности и взаимной ответственности»⁴³. Происходит своеобразная «индивидуализация ценностей», в рамках которой растет спрос на более персонализированное предоставление благ с учетом конкретных личных потребностей. Социологические опросы показывают, что «при наличии выбора многие бы предпочли услугам денежную компенсацию их стоимости»⁴⁴.

В сложившейся ситуации принцип универсализма несколько утрачивает былую незыблемость. Все более активными становятся дебаты относительно того, какие, собственно, социальные льготы заслуживают те или иные слои населения. В Дании, например, высказывается мысль о том, что при предоставлении социальной помощи следует каким-то образом различать тех, «кто трудился большую часть своей жизни», и тех, «кто не так много времени провел на рынке труда»⁴⁵. Аналогичным образом в норвежской литературе делается вывод об «изменении парадигмы», усилении дифференциации в рамках действующей социальной модели и движении

³⁷ Forsander A. Op. cit. P. 214.

³⁸ Brochman G., Hagelund A. Migrants in the Scandinavian Welfare State: The Emergence of the Social Policy Problem // Nordic Journal of Migration Research. 2011. Vol. 1. Iss. 1. P. 14.

³⁹ Sipilä J, Anttonen A, Kröger T. Op. cit. P. 185.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K. Op. cit. P. 13.

⁴² Borevi K. Op. cit. P. 708.

⁴³ Melin H. Op. cit. P. 108.

⁴⁴ Sipilä J, Anttonen A, Kröger T. Op. cit. P. 188.

⁴⁵ Greve B. Denmark: Still a Nordic Welfare State After the Changes of Recent Years? // Challenges to European Welfare Systems / ed. by K. Schubert., P. de Villota., J. Kuhlmann. Heidelberg, 2017. P. 172.

в направлении «сегментированного общества всеобщего благосостояния»⁴⁶. В северных странах в конечном счете растет понимание того, что «государство более не должно являться гарантом процветания всех граждан применительно к их повседневной жизни, оставаясь при этом гарантом социальной безопасности в кризисной ситуации»⁴⁷.

Несмотря на определенную эрозию, принцип универсализма продолжает действовать и в той или иной степени реализовываться на практике. Северные государства по-прежнему характеризуются высокой степенью внутренней социально-экономической интеграции, в рамках которой «домашние хозяйства, рынки, государство и институты гражданского общества действуют совместно в качестве органического целого»⁴⁸.

Универсализм остается «ведущим принципом социальной политики северных стран»⁴⁹, которым «пока удается адаптировать действующую модель социального обеспечения к новым обстоятельствам»⁵⁰. Поддерживаются относительно высокие стандарты оказываемых гражданам социальных услуг. Сохраняется низкий уровень бедности и по-прежнему невелик разрыв в доходах различных слоев населения. Скандинавские государства продолжают входить в число стран с наименьшим уровнем социального неравенства, а женщины и пожилые люди здесь все еще активны на рынке труда. Эгалитарные нормы, «в целом, все еще считаются релевантными маркерами северных государств всеобщего благосостояния», а само социальное государство остается «частью национального самосознания и своеобразным брендом, выделяющим северные страны в современном мире»⁵¹.

Адаптация скандинавской модели к изменяющейся ситуации, однако, проходит отнюдь не безболезненно. Она становится все более экономной и рыночно-ориентированной. Это обуславливает растущую «маркетизацию» процесса предоставления социальных услуг и более активное вступление организаций частного сектора в контрактные отношения с институтами публичной власти⁵².

⁴⁶ Kildal N., Kuhnle S. Op. cit. P. 1, 2.

⁴⁷ Czarny R. M. A Modern Nordic Saga: Politics, Economy and Society. Cham, 2017. P. 85.

⁴⁸ Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives / ed. by S. Bendixsen, M. B. Bringslid, H. Vike. P. 138.

⁴⁹ Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 183.

⁵⁰ Frelle-Petersen C., Hein A., Christiansen M. Op. cit. P. 20.

⁵¹ Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives / ed. by S. Bendixsen, M. B. Bringslid, H. Vike. P. 225.

⁵² См.: Petersen O. H., Hjelmar U. Marketization of Welfare Services in Scandinavia: A Review of Swedish and Danish Experiences // Scandinavian Journal of Public Administration. 2014. Vol. 17. No. 4. P. 5.

В подобной ситуации «коллективные риски все больше уступают место индивидуальным»⁵³. Гражданам приходится принимать самостоятельные решения по многим социальным вопросам: какой пенсионный фонд выбрать для инвестирования своих капиталов, какую политику предпочесть в области страхования, следует ли приобретать частную медицинскую страховку и т.п.

Былого пиршества, судя по всему, уже не вернуть. По признанию скандинавских исследователей, «золотые годы» северной модели закончились еще в последнем десятилетии минувшего века, когда в условиях экономического кризиса пришлось пойти на ощутимое ограничение публичных расходов, особенно в социальной сфере⁵⁴. Скандинавская модель «в своих определенных аспектах становится менее универсалистской»⁵⁵ за счет определенной корректировки действующих социальных программ. Так, в Дании, по мнению известного специалиста по социальной проблематике Б. Греве, принцип универсализма в полной мере продолжает действовать лишь в таких сферах, как здравоохранение и уход за детьми и престарелыми⁵⁶.

Более жесткой и конкурентной становится ситуация на рынке труда. Для того чтобы иметь доступ к различным благам, безработные вынуждены предпринимать определенные активные действия и доказывать, что они действительно находятся в поиске работы⁵⁷. Безработным также приходится участвовать в различных программах, призванных обеспечить их скорейшее трудоустройство. Соглашаясь на помощь по такой программе, индивид зачастую берет на себя обязательство пройти обучение какой-либо другой, более востребованной профессии, участвовать в выполнении общественных работ и т.п.

Все чаще раздаются голоса в пользу расширения принципа универсализма и отказа от его трактовки «как удовлетворения одинаковых общественных нужд одинаковым способом»⁵⁸. Признается, что социальное равенство и солидарность были достигнуты в скандинавских государствах «в определенном смысле путем ограничения личной свободы»⁵⁹, посредством позитивной дискриминации

⁵³ Lapidus J. The Quest for a Divided Welfare State: Sweden in the Era of Privatization. Cham, 2019. P. 51.

⁵⁴ См.: Melin H. Op. cit. P. 108.

⁵⁵ Blomquist P., Palme J. Op. cit. P. 114.

⁵⁶ См.: Greve B. Denmark: Still a Nordic Welfare State After the Changes of Recent Years? P. 176.

⁵⁷ См.: Voluntary and Public Sector Collaboration in Scandinavia: New Approaches to Co-Production / ed. by B. Ibsen. P. 53.

⁵⁸ Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 195.

⁵⁹ Voluntary and Public Sector Collaboration in Scandinavia: New Approaches to Co-Production / ed. by B. Ibsen. P. 52.

различных обездоленных групп, прогрессивного налогообложения и активной перераспределительной политики.

Растет понимание того, что социальная сфера становится все менее подъемной для государства, одних лишь усилий которого оказывается недостаточно.

REFERENCES

1. *Bakke I.B.* The “Idea of Career” and “a Welfare State of Mind”: On the Nordic Model for Welfare and Career // *Career and Career Guidance in the Nordic Countries* / ed. by E.H. Haug, T. Hooley, J. Kettunen, R. Thomsen. Leiden, 2020. P. 23–36.
2. *Blomquist P., Palme J.* Universalism in Welfare Policy: The Swedish Case beyond 1990 // *Social Inclusion*. 2020. Vol. 8. Iss. 1. P. 114.
3. *Borevi K.* Multiculturalism and Welfare State Integration: Swedish Model Path Dependency // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2014. Vol. 21. No. 6. P. 708, 711.
4. *Breidahl K.N., Hedegaard T.F., Kongshøj K., Larsen Ch.A.* Migrants’ Attitudes and the Welfare State: The Danish Melting Pot. Cheltenham, 2021. P. 6.
5. *Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K.* Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945–2010. Basingstoke, 2012. P. 1, 2, 13, 14, 25, 150.
6. *Czarny R.M.* A Modern Nordic Saga: Politics, Economy and Society. Cham, 2017. P. 85.
7. *Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States* / ed. by P. Kivisto, Ö. Wahlbeck. Houndmills, 2013. P. 11.
8. *Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives* / ed. by S. Bendixsen, M.B. Bringslid, H. Vike. Cham, 2018. P. 9, 10, 138, 225.
9. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, 1990. P. 27, 28.
10. *Frelle-Petersen C., Hein A., Christiansen M.* The Nordic Social Welfare Model: Lessons for Reform. Copenhagen, 2020. P. 11, 20.
11. *Forsander A.* Social Capital in the Context of Immigration and Diversity: Economic Participation in the Nordic Welfare State // *JIMI/RIMI*. 2004. Vol. 5. No. 2. P. 214, 219.
12. *Greve B.* Denmark: Still a Nordic Welfare State After the Changes of Recent Years? // *Challenges to European Welfare Systems* / ed. by K. Schubert., P. de Villota, J. Kuhlmann. Heidelberg, 2017. P. 172, 176.
13. *Greve B.* What Characterise the Nordic Welfare State Model // *Journal of Social Sciences*. 2007. Vol. 3. No. 2. P. 44.
14. *Kiesel V.* The Promise of Universalism – Gender, Migration, and the Limits of the Nordic Welfare State // *IZGOnZeit*. 2020. No. 9. P. 37.
15. *Kildal N., Kuhnle S.* The Principle on Universalism: Tracing a Key Idea in the Scandinavian Welfare Model. Bergen, 2002. P. 1, 2, 5.
16. *Lapidus J.* The Quest for a Divided Welfare State: Sweden in the Era of Privatization. Cham, 2019. P. 51.
17. *Melin H.* The Nordic Model and Social Inequalities // *Welfare State at Risk: Rising Inequality in Europe* / ed. by D. Eißel, E. Rokicka, J. Leaman. Heidelberg, 2014. P. 107, 108.
18. *Petersen O.H., Hjelmar U.* Marketization of Welfare Services in Scandinavia: A Review of Swedish and Danish Experiences // *Scandinavian Journal of Public Administration*. 2014. Vol. 17. No. 4. P. 5.
19. *Promoting Active Citizenship: Markets and Choice in Scandinavian Welfare* / ed. by K.H. Sivesind, J. Saglie. Oslo, 2017. P. 5, 294.
20. *Sipilä J., Anttonen A., Kröger T.* A Nordic Welfare State in Post-industrial Society // *The Welfare State in Post-industrial Society: A Global Perspective* / ed. by J.L. Powell, J. Hendricks. Dordrecht, 2009. P. 182–185, 188, 195.
21. *The Nordic Models in Political Science: Challenged, but Still Viable?* / ed. by O. Knutsen. Bergen, 2017. P. 6.
22. *The Relational Nordic Welfare State: Between Utopia and Ideology* / ed. by S. Hänninen, K.-M. Lehtelä, P. Saikkonen. Cheltenham, 2019. P. 2.
23. *Viggeland N.* Democratic Governance in Scandinavia: Developments and Challenges for the Regulatory State. Cham, 2020. P. 70.
24. *Vike H.* Politics and Bureaucracy in the Norwegian Welfare State: An Anthropological Approach. Cham, 2018. P. 86, 138, 139.
25. *Voluntary and Public Sector Collaboration in Scandinavia: New Approaches to Co-Production* / ed. by B. Ibsen. Cham, 2021. P. 52, 53, 59.

Сведения об авторе

ЧЕРКАСОВ Александр Игоревич — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author’s information

CHERKASOV Alexander I. — PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Sector Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia